

**АНТИНАПОЛЕОНОВСКАЯ ЛЕГЕНДА В ИЗДАНИЯХ
Ж. Г. ПЕЛЬТЬЕ:
ПО МАТЕРИАЛАМ КНИЖНЫХ СОБРАНИЙ
ВОРОНЦОВЫХ**

Почти полвека тому назад французский историк Жан Тюлар выпустил книгу «Анти-Наполеон: чёрная легенда императора» (Париж, 1965). Он отмечал, что пик памфлетной волны о «корсиканском карлике» (так назывался один из трактатов 1814 г.) пришёлся на период между 1814 и 1821 гг.¹ Однако, как подчеркивает в своих работах современный британский историк Саймон Бэрроуз, антинаполеоновская легенда уходит корнями в 1790-е гг. и связана с англо-французским противоборством, причём её усиленно распространяли не только подданные Георга III, но и французские журналисты-эмигранты, прежде всего – Жан-Габриэль Пельтье².

Уроженец исторической области Франции Анжу Жан-Габриэль Пельтье (1760-1825) родился в семье судовладельца, связанного с колониальной торговлей (ил. 1)³. В возрасте 29 лет он переехал в столицу, где вёл весьма разгульную жизнь, предаваясь игре и прочим удовольствиям уже не слишком молодого повесы. В первые недели французской революции Пельтье был увлечён новыми идеями: его кумирами были Неккер и Лафайет, он подписывал петиции К. Демулена и даже записался в Национальную гвардию. Но вскоре Жан-Габриэль дистанцировался от лидеров революции, выпустив анонимные памфлеты, направленные против Учредительного собрания и герцога Орлеанского (Филиппа Эгалитэ).

2 ноября 1789 г. (по своеобразной «хронологии» издания – «в день мёртвых», в «нулевой год свободы») вышел первый номер знаменитого журнала «Деяния апостолов» («Les Actes des Apôtres»), объединившего вокруг себя лучших памфлетистов и журналистов монархического толка (ил. 2). Пельтье был одним

из его четырёх редакторов. Хотя он и не был столь знаменит, как Ривароль или Монлозье, именно Пельтье был истинным основателем, главным редактором и, выражаясь современным языком, финансовым директором знаменитого полемического издания⁴. По мере выхода новых выпусков (30 номеров составляли так наз. «версию») тон журнала становился всё более ожесточённым, ирония авторов сменялась непримиримостью. Каковы бы ни были литературные достоинства печатавшейся здесь продукции (а в журнале талантливые тексты соседствовали с весьма сомнительными шутками), её мишенью неизменно были левые депутаты в Национальной Ассамблее, революционные клубы, одним словом – силы, требовавшие продолжения революции⁵. К концу издания «Деяний апостолов» Пельтье остался практически единственным редактором. Последний номер журнала (№ 311) вышел в январе 1792 г. За ним последовала «Новая политическая переписка, или Картина Парижа» («La nouvelle correspondance politique, ou Tableau de Paris») (выходила до 9 августа 1792 года), а также важный источник информации о событиях августа 1792 г. – «История Революции 10 августа 1792 года» (« Histoire de la Révolution du 10 août 1792 »).

Многих журналистов-роялистов постигла трагическая судьба. Пельтье, которого за умение приспособливаться называли «политическим хамелеоном»⁶, избежал такой участи. После восстания 10 августа 1792 г., когда толпа растерзала его соратника Франсуа-Луи Сюло, Пельтье бежал из революционной столицы. В конце сентября 1792 г. Жан-Габриэль оказался в Лондоне – одном из основных центров французской эмиграции, где остался на 26 лет. Пополнив разношёрстную толпу французских эмигрантов, он стал неперенным участником интриг в их среде. Столкнувшись на чужбине с неизбежной проблемой выживания, Пельтье проявил завидную изобретательность в решении практических вопросов. Он быстро адаптировался в Лондоне, освоил английский язык, установил контакты с местными журналистами, учёными обществами, членами британского правительства (делал переводы для Foreign Office), усердно посещал заседания парламента.

По данным исследователей, в период с октября 1792 г. по но-

ябрь 1814 г. в Лондоне выходило 13 различных периодических изданий французской эмиграции⁷. К действовавшему здесь журналистскому корпусу присоединился и Пельтье, один за другим выпуская журналы. Сначала (октябрь 1792 – июль 1793 гг.) появилась серия нападок против Республики, собранных в изданиях под названиями «Последняя картина Парижа, или Историческое описание Революции 10 августа, причин, породивших её, событий, которые ей предшествовали, и преступлений, которые за ней последовали» («*Dernier Tableau de Paris ou Recit historique de la Revolution du 10 Aout, des Causes qui l'ont produite, des Evenemens qui l'ont precedee, et des Crimes qui l'ont suivie...*»). Временные победы антиреволюционной коалиции породили надежды у эмигрантов, побудившие Пельтье к изданию трёх номеров «Истории реставрации французской монархии, или кампания 1793 года» («*Histoire de la restauration de la monarchie française, ou la Campagne de 1793*»). 2 ноября 1793 г. вышел первый выпуск «Французской переписки, или Картины Европы» («*Correspondance française, ou Tableau de l'Europe*»); со второго номера издание именовалось «Политическая переписка, или Картина Европы» («*Correspondance politique, ou Tableau de l'Europe*») (ил. 3-4).

С июня 1795 г. до июня 1802 г. Пельтье выпускает очередной журнал – «Париж в течение 1795 (-1802) года» (ил. 5-6). Эти внешне довольно невзрачные брошюры были для французских эмигрантов ценным источником информации о событиях на родине, позволяя им следить и за политическими процессами, и за новостями культурной жизни Франции.

Упоминания о Бонапарте появились в этом издании в связи с военными победами, одержанными им во время Итальянской кампании. Сначала Пельтье вполне лоялен к молодому генералу. Он признаёт, что едва ли можно найти в истории пример военной карьеры, подобный последним 12 месяцам блистательных действий прославленного корсиканца; «невозможно не признать и не восхищаться ореолом военной славы, покрывающей его чело»⁸. Едва известный годом ранее, этот молодой человек определял теперь судьбы мира; Франция, которая лишь наполовину является его родиной, по праву стала первой, самой великой и самой

мощной державой Европы. Пельтье даёт подробный портрет Бонапарта, удовлетворяя любопытство своей публики относительно того, кто же стал кумиром Франции после вождей революции⁹. В сноске к этой статье изложены биографические сведения о «генерале Бонапарте», приведены данные о его семье, охарактеризованы его вкусы и литературные предпочтения, а также подробно описана внешность и личные качества новой знаменитости. При этом замечается, что «он исключительно образован, не будучи педантом», признаётся его удивительное самообладание и изрядная скрытность¹⁰. Пельтье цитирует пространный отзыв о Бонапарте из другого известного эмигрантского издания – вышедшего в Санкт-Петербурге «Северного наблюдателя» («Spectateur du Nord»), который резюмировал: из «грязи революции» появилось нечто, похожее на *человека*, который столь нужен французам!¹¹

Впрочем, уже тогда Пельтье не скрывал беспокойства, которое у него вызывал молодой удачливый генерал: «этот Бонапарт смущает и беспокоит меня. Что с ним станет?». Что он будет делать во цвете лет, опьянённый славой и окружённый соблазнами? Удовлетворится ли душа, жаждущая славы, стихами Шенье? Принесёт ли он свою молодость, интересы, победы в жертву патриотизму? Какую роль он будет играть после завершения своей славной карьеры?¹²

Месяц спустя Пельтье задаётся вопросом: «Буонапарте – герой или разбойник?»¹³ Ему не простили 13 вандемьера, даже признавая, что он действовал тогда не самостоятельно, а выполнял волю властей¹⁴. Если бы Бонапарт не направил пушку картечью на Париж и не истребил мирных граждан, он не стал бы грозным покорителем Италии, замечает Пельтье. Теперь же генерала обвиняли в том, что он «принёс французский вандализм за границу, внедрив там все мерзости якобинизма»; ему припомнили грабежи и убийства на захваченных территориях, изменение местных законов, конституций, нравов без объявления войны; ему вменили в вину огромные контрибуции, которые он забирал себе, всё больше обнаруживая черты диктатора. В результате репутация французской нации во всей Европе стала одиозной¹⁵. Я допускаю, что звезда Бонапарта засияет ярче, чем звезда свободы, пророче-

ствует Пельтье и продолжает: преодолев все препятствия, поправ все законы, он свернёт конституцию, уничтожит социальный порядок, общественное благо, собственность граждан, но его триумф будет недолговечен¹⁶.

Итак, за весьма короткий срок от интереса к этой фигуре Пельтье переходит к неприятию и жёсткой критике Бонапарта, обращая против него весь пыл и блеск своего остроумия. После переворота 18 брюмера он резко отрицательно отзываясь о всех действиях правительства первого консула – «удачливого авантюриста, воплотившего все пороки жестоких тиранов». Проявляя изрядную прозорливость, Пельтье задумывается: не приведут ли амбиции Бонапарта к увековечиванию высшей власти его семьи, а «в королевском альманахе династии Люсьенов, Жозефов, Людовиков Бонапартов сменят династии Конде, Конти, Орлеанскую династию?»¹⁷.

Неудивительно, что высказывания Пельтье привлекли внимание полиции во Франции, где после введения безжалостной цензуры была, по его же выражению, одна газета – «Монитор» и один свободный журналист – Первый Консул¹⁸. У Бонапарта журналисты вообще вызывали раздражение, тем более иностранные, которые были вне его досягаемости (несмотря на это, он регулярно знакомился с иностранной периодикой). Особенно его выводили из себя нападки выходявших в Лондоне французских эмигрантских газет, прежде всего – изданий Пельтье. Бонапарт, только что свернувший свободу прессы во Франции, попытался заставить замолчать Пельтье в Англии. По требованию первого консула после заключения Амьенского мира начались судебные преследования журналиста, который обвинялся в распространении клеветы по отношению к иностранному государству. Интересы Пельтье отстаивал один из лучших юристов и ораторов Великобритании того времени – Дж. Макинтош, добившийся фактически оправдания своего подзащитного¹⁹. Последний был лишь приговорён к штрафу, но и этот условный приговор не был приведён в исполнение, так как военные действия между Англией и Францией вскоре возобновились.

С 1803 г. содержание эмигрантских журналов всё больше определялось политическими установками иностранных, в первую очередь – британских покровителей²⁰. Что касается Пельтье, то

он и вовсе получал субсидии: сначала от британских оппозиционных политиков, а после 1804 г. – от правительства (это обнаружилось на заседании палаты общин значительно позднее – 30 апреля 1816 г.)²¹.

Процесс 21 февраля 1803 г. был одним из эпизодов развернувшейся во время Амьенского перемирия «войны перьев», в которой Пельтье фигурировал в качестве настоящей «звезды» и которая стала лучшей рекламой для его нового издания. Газета «Амбигю» («L’Ambigu», что в переводе с французского означает «смесь», «двусмысленный каламбур», «экивок») выходила на протяжении 16 лет – с июля 1802 г. по ноябрь 1818 г. Её подзаголовок часто менялся: в 1802-1803 гг. полное название газеты звучало как «Амбигю, ужасные и забавные мелочи, газета в египетском духе» («L’Ambigu, variétés atroces et amusantes, journal dans le genre égyptien»). В начале 1804 г. газета выходит как «Амбигю, или Тайны Изида»²². Начиная с № 19, в котором сообщалось о подготовке французского демарша в Англию, название корректируется и звучит как «Амбигю, или Новый Дон-Кихот Ламаншский» (обыгрывалась замена «Ламанча» на «Ламанш»). В последние же годы газета имела гораздо более нейтральный подзаголовок: «литературные и политические мелочи»²³.

Пельтье следующим образом сформулировал цель своего нового издания: читатель встретит здесь песни, логогрифы, шарады, политические и литературные анекдоты, стихи, критический разбор новых сочинений и т. д. Он обещает «хвалить, порицать, критиковать, восхищаться сообразно обстоятельствам и характеру сюжета; [...] нашим девизом будет разнообразие, как у старого доброго Лафонтена ...» Отвечая на упрёки в том, что его предыдущие издания отличались излишне резкой критикой республиканского правительства, консула и проконсулов, конкордата, финансовых операций и особенно планов, приписываемых Бонапарту, Пельтье иронично «обещает», что в «Амбигю» будут лишь хвалебные оценки деятельности первого консула²⁴.

Газета выходила каждые десять дней, в первые годы – в виде фолианта, насчитывавшего 24 страницы; начиная с 4-го тома (1806 г.) каждый номер насчитывал 72 страницы в восьмую долю листа.

Любопытно оформление первых номеров: их украшала виньетка с изображением египетского сфинкса, к которому был дорисован бюст Наполеона в консульском одеянии, но с короной на голове. С № 6 «сфинкс» изображался обезглавленным (ил. 7-8). Комментарий Пельтье по этому поводу, как всегда, безжалостен: корона оказалась настолько неразрывно связана с головой, которую она украшала, что попытка лишить «сфинкса» короны привела к тому, что от удара слетела и сама голова²⁵.

В своём новом издании Пельтье продолжил ожесточённые нападки против Наполеона и членов его семьи (особенно доставалось Жозефине Бонапарт!). Приведём выразительную выдержку из так называемого «Французского катехизиса», который представляет собой диалог между «англичанином» и «французом». Англичанин: «Как ваше имя?» Француз: «Раб». Англичанин: «Кто дал вам это имя?» Француз: «Буонапарте». Англичанин: «Что он вам обещал?» Француз: «Что он сделает нас богатыми, что сделает нас свободными, что он сделает нас счастливыми». Англичанин: «Сдержал ли он своё обещание?» Француз: «Да, мы столь же богаты, как оборванцы, так же свободны, как каторжники и настолько счастливы, насколько могут осчастливить нищета, война и цепи». Англичанин: «Кто начал своё правление, обратив артиллерию против парижан?» Француз: «Буонапарте». Англичанин: «Кто обратил в руины половину континента своей ненавистью, а другую половину – своей дружбой?» Француз: «Буонапарте». Англичанин: «Кто хотел заставить замолчать членов парламента и задушить свободу британской прессы?» Француз: «Буонапарте»²⁶.

Пельтье ведёт постоянный острый диалог с властителем Франции от первого лица. Один из номеров газеты завершается шестистишием под названием «Бонапарте и я» («Buonaparté et Moi»): «У каждого из нас своя судьба, / мы оба плетём свой заговор. / Тебя привлекает мошна Альбиона: / А мою музу вдохновляет твоя ярость. / Ты строишь чёрные планы: / а я насмехаюсь» / Ты строишь плоскодонные судна, / а я готовлю брандер»²⁷. Журналист часто обращается от своего имени к первому консулу, причём неизменно в издевательском тоне. Например: «Наполеону первому,

нашему консулу, или Наполеону, нашему первому консулу. [...] я обращаю свои письма Его Императорскому величеству, Наполеону первому, Великому императору двух миров, королю Луны, Солнцу среди солнечных светил и консулу Республики»²⁸. Это было написано до установления империи, на провозглашение которой («Наконец-то фарс закончился...») Пельтье откликнулся сравнением этого события с маскарадом, назвав новоиспечённого императора «потомственным кучером, прибывшим из Египта» (Жозефина удостоилась титула «императорской мартышки»). День коронавания и вовсе сравнивается с Варфоломеевской ночью²⁹.

Листая номера газеты, нетрудно убедиться, что Наполеон – главный персонаж этого издания, причём он изображается не только как гротескный карлик (каким он неизменно фигурировал в эстампах прославленных английских карикатуристов – Дж. Гилрея, Т. Роулэндсона, Дж. Крукшенка, – придумавших карикатурный облик Бони, как англичане с презрительной фамильярностью называли французского императора: карликовая фигурка в огромных сапогах и непомерно большой шляпе с длинной саблей на боку), но и как чудовище, «французский Нерон». После казни герцога Энгиенского (21.03. 1804) Пельтье открыто призывает к убийству тирана и палача. По авторитетному мнению Жака Годшо, именно издания Пельтье наиболее жёстко и последовательно атаковали Революцию, воплощением которой для французского журналиста был ненавистный ему Бонапарт³⁰.

По мнению исследователей, именно эмигрантская пресса подвела лондонских журналистов, карикатуристов, памфлетистов к новым темам и предложила новые материалы, особенно в 1802-1803 г., когда и совершилась трансформация в том, как изображали Наполеона ранее – как революционного генерала и после возобновления военных действий – как военного диктатора, маниакального безумца³¹. Единственным ограничением в этой безудержной антинаполеоновской кампании была неспособность эмигрантской прессы в силу лингвистических, технических и экономических преград использовать традицию британской карикатуры, хотя Пельтье и пытался освоить технику гравюры, по-

местив не только упомянутые виньетки с изображением Наполеона в виде сфинкса, но и сюжетные иллюстрации³². Две из них воспроизводят эпизод Египетского похода, когда после осады и ожесточённого штурма весной 1799 г. французами был взят и разграблен сирийский город Яффа (Яффо), вскоре поражённый чумой. На гравюре, воспроизведенной из книги «Жизнь Наполеона Бонапарта», изданной в той же лондонской типографии, где печатался Пельтье – у Кокса и Бейлиса, Наполеон, улыбаясь, смотрит на одного из пленных. Наблюдающие за этой сценой обмениваются характерными репликами: «Он спасён: генерал улыбнулся». – «Плохо же вы знаете этого человека» (ил. 9). На «виньетке», помещённой на последней странице газеты под № 16, изображён эпизод осады Акры с участием сэра Сиднея Смита, который в качестве commodora командовал двумя кораблями против армии Наполеона в Сирии (ил. 10)³³.

Ненадолго вернувшись во Францию в эпоху Реставрации, Ж.- Г. Пельтье занял критическую позицию по отношению к правительству Людовика XVIII. При новой власти его любили не больше, чем при Наполеоне, за ним прочно утвердилась репутация пасквильанта. Во время реставрации он всеми силами стремится искоренить славу поверженного императора. Впрочем, Жан-Габриэль не дожил до того, чтобы увидеть, как возвращалась «золотая» наполеоновская легенда, а «чёрная» антинаполеоновская пропаганда стремительно теряла свои позиции. Любопытно, что комплект «Амбигю» оказался в числе самых существенных поступлений библиотеки находившегося в изгнании Наполеона, ценившего газету некогда ненавистного ему журналиста как удобный справочник, содержащий периодические обзоры парижской жизни и событий во Франции³⁴.

Современник Пельтье, известный французский писатель и политик Франсуа-Рене де Шатобриан в своих «Замогильных записках» составил не слишком привлекательный портрет журналиста: «Нельзя сказать, чтобы он был отягощен пороками, однако его точил червь мелких, но неисправимых недостатков: безбожник³⁵, повеса, зарабатывающий кучу денег и тут же их проматывающий, одновременно слуга законной монархии и посол негритянского

короля Кристофа³⁶ при дворе Георга III, он отписывал дипломатические депеши господину графу де Лимонаду³⁷, получал жалованье сахаром и тратил его на шампанское. [...] Мой Жиль Блас, высокий, худой, блажной, с напудренными волосами и большой залысиной, вечной орущий и гогочущий...»³⁸.

Эта оценка не беспристрастна: Пельтье, с которым Шатобриан познакомился в Лондоне в 1793 г., поначалу поддерживал и даже «подкармливал» начинающего французского литератора, однако после публикации «Гения христианства» они поссорились. Тем не менее приведённая характеристика содержит ряд точных и выразительных наблюдений; особенно удачно сравнение журналиста с неунывающим авантюристом и пройдохой Жилем Блазом (Хиль Бласом), главным героем плутовского романа французского писателя А.-Р. Лесажа: «мой соотечественник, истинный герой другого моего соотечественника, Лесажа»³⁹. Авантюризм был присущ и фонтанирующей натуре Пельтье, причудливо сочетаясь с фантастической трудоспособностью: плоды бурной деятельности журналиста и литератора запечатлены в сотне томов периодических изданий (в 1817 г. Жан-Габриэль с гордостью называл себя «редактором 100 томов⁴⁰), а также в целой серии отдельных памфлетов.

Печатная продукция французской эмиграции относится к разряду довольно редких изданий в отечественных библиотеках. В фондах Научной библиотеки Одесского университета представлена значительная часть репертуара изданий Пельтье: «Деяния апостолов» за 1789-1791 гг. (как оригинальные версии (1, 2, 4, 7-10), так и контрфасоны издания), ««Французская переписка» / «Политическая переписка» (№ 1-77 за 1793-1794 гг.), «Париж в течение 1795 [-1798]» (всего – 73 номера), «Амбигю» (т. 1-3, 12 за 1802-1804, 1806 гг.). Экземпляры перечисленных изданий находились, прежде всего, в составе книжного собрания С. Р. Воронцова, по наследству перешедшего к Михаилу Семёновичу, а позднее – Семёну Михайловичу Воронцовым. Будучи на протяжении многих лет послом Российской империи в Лондоне, Семён Романович собирал как антинаполеоновские эстампы блистательных английских карикатуристов⁴¹, так и издания французской эмиграции. К

самим эмигрантам он, кстати, относился весьма презрительно, одаривая нелестными эпитетами и графа Прованского, и графа д'Артуа, и их окружение⁴². Но эта антипатия не могла сравниться с тем негодованием, которое вызывал у русского аристократа «корсиканский выскочка», ставший с конца 1790-х годов воплощением революции во Франции. Ещё в 1798 г. он в одном из писем пожелал не в меру удачливому корсиканцу утонуть в волнах Средиземного моря и в дальнейшем не скупился на презрительные сравнения, именуя Бонапарта «гнусным корсиканцем», «угнетателем Европы», «корсиканским чудовищем» и проч.⁴³ Даже приятель и корреспондент Семёна Романовича Ф. В. Ростопчин, в роковом 1812 году – заклятый враг Наполеона, в 1803 г. признавался, что считает Бонапарта «великим человеком» и прощает ему «слабости парвеню»⁴⁴. Проклятия в его адрес («человек-дьявол, угрожающий заполнить Европу», «негодяй, рождённый, чтобы стать бичом рода человеческого, деспот безумной и развращённой нации», «подлый мошенник» и многое другое⁴⁵) Фёдор Васильевич произнесёт позднее...

Предполагем, что Семён Романович не без удовольствия знакомился с антинаполеоновскими опусами Пельтье. Более того, есть основания предполагать, что дипломат и журналист были лично знакомы. Граф Аркадий Иванович Морков (Марков), в начале XIX в. бывший послом России во Франции, спустя несколько месяцев после того, как в ноябре 1803 г. покинул Париж, жаловался в письме С. Р. Воронцову на преследования со стороны Талейрана, который инкриминировал ему махинации с продажей земли и завалил русский двор доносами по этому поводу. Примечательно, что Морков просит своего коллегу в Лондоне связаться с Пельтье по этому поводу, дабы тот в присущем ему стиле «прошёлся» по Талейрану и его инсинуациям в своей газете⁴⁶. Учитывая последовательную антифранцузскую позицию С. Р. Воронцова (наряду с В. П. Кочубеем, П. А. Строгановым, Н. Н. Новосильцевым и А. Чарторьжским он входил в лагерь противников союза с наполеоновской Францией, позднее выступавших категорически против Тильзита), не исключено, что имеются и другие подтверждения его контактов с журналистом-эмигрантом.

Пока же можно утверждать, что в Лондонской библиотеке С. Р. Воронцова отложилось практически «полное собрание сочинений» Ж.-Г. Пельтье: 54 тома «Амбигю» за 1802-1816 гг., два тома «Последней картины Парижа», 35 выпусков «Парижа в течение 1795-1802 гг.», по одному тому «Французской переписки» и «Картины Европы», десять томов «Деяний апостолов»⁴⁷. Из переписки братьев Воронцовых следует, что брошюры Пельтье (или, как он часто фигурирует в источниках того времени – Пеллетье) неоднократно присылались из Лондона в Россию, пополняя библиотеку А. Р. Воронцова (названия не приведены, но из контекста письма Семёна Романовича очевидно, что речь идёт о номерах «Парижа в течение 1797 года») ⁴⁸. Достоверно известно, что Александр Романович получил 115 номеров «Деяний апостолов» вместе с другими книгами и периодическими изданиями, доставлявшимися ему из революционного Парижа П. П. Дубровским⁴⁹. В огромном книжном собрании Александра Романовича имелось ещё одно издание французского журналиста – «Картина Парижа» за 1794 г.⁵⁰ Вполне возможно, что наличие двух экземпляров томов «Амбигю» за 1802-1803 гг. в Воронцовском фонде университетского книгохранилища свидетельствует о том, что в Одесскую библиотеку издания Пельтье поступили не только из собрания С. Р. Воронцова, но и его старшего брата. В настоящее время эта подборка рассеяна между различными библиотечными собраниями: так, в мемориальной библиотеке М. С. Воронцова в Алушкинском дворцово-парковом музее-заповеднике хранится десять томов «Амбигю»⁵¹. Информация о каждой из составляющих этого комплекса раритетных изданий представляет, на наш взгляд, определённый историко-культурный и исследовательский интерес.

Примечания

¹ *Resisting Napoleon : The British Response to the Threat of Invasion, 1797-1815* / ed. by Mark Philp. – Aldershot, UK ; Burlington, USA, 2006. – P. 141.

² *Ibid.* – P. 142.

³ Подробнее биографию Ж. Г. Пельтье см.: *Maspero-Clerc H. Un journaliste contre-révolutionnaire : Jean-Gabriel Peltier, 1760-1825.* – Paris, 1973. – (Bibliothèque d'histoire révolutionnaire. 3e sér. ; t. 14).

⁴ Ibid. – P. 27, 31.

⁵ Ibid. – P. 48-49. Об истории выхода журнала и его структуре см. подробнее: *Hatin E.* *Bibliographie historique et critique de la presse périodique française...* – Hildesheim, 1965. – P. 94-96; *Tourneaux M.* *Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Révolution française.* – Paris, 1894. – Т. 2. – P. 547-549. Известный историк французской прессы Э. Атен цитирует мнение современника: критика в «Деяниях апостолов» иногда искусна и всегда прилична: «Те, кого она выбрала в качестве жертвы, могут сами смеяться над насмешками, отпущенными по их поводу» (*Hatin E.* *Op. cit.* – P. 155).

⁶ *Maspero-Clerc H.* *Op. cit.* – P. 54.

⁷ *Burrows S.* *French Exile Journalism and European Politics, 1792-1814.* – Woodbridge ; [London], 2000. – P. 9.

⁸ *Paris pendant l'année 1797.* – Vol. 12. – P. 730 (№ 108, 10 mai 1797).

⁹ Ibid. – Vol. 13. – P. 1 (№ 109, 15 mai 1797).

¹⁰ Ibid. – P. 1-3 (notes).

¹¹ Ibid. – P. 8 (notes).

¹² Ibid. – P. 317-318 (№ 115, 15 juin 1797).

¹³ Ibid. Vol. 14. – P. 24 (№ 121, 15 juillet 1797). Примечательно, что спустя несколько лет Пельтье републиковал этот материал в «Амбигю» (*L'Ambigu, ou les Mystères d'Isis.* – Vol. 2, № 12 – P. 57).

¹⁴ *Paris pendant l'année 1797.* – Vol. 14. – P. 377 (№ 127, 15 août 1797).

¹⁵ Ibid. – Vol. 14. – P. 423 (№ 128, 21 août 1797).

¹⁶ Ibid. – P. 379 (№ 127, 15 août 1797).

¹⁷ Цит. по: *Maspero-Clerc H.* *Op. cit.* – P. 146.

¹⁸ Ibid. – P. 148. Декретом от 27 нивоза VIII г. (17 января 1800 г.) из 73 парижских газет было уничтожено 60. Из 13 газет, сохраненных Наполеоном, только «Монитор юниверсель» была объявлена «единственной официальной газетой». – См. подробнее: *Тарле Е. В.* *Печать во Франции при Наполеоне I* // *Тарле Е. В.* *Соч. : в 12 т.– М., 1958.* – Т. 4. – С. 483-543; *Туган-Барановский Д. М.* «Лошадь, которую я пытался обуздать» : *Печать при Наполеоне* // *Новая и новейшая история.* – 1995. – № 3. – С. 158-179.

¹⁹ См.: *The Trial of John Peltier, esq., for a libel against Napoleon Buonaparté, first consul of the French republic, at the Court of King's-bench, Middlesex, on Monday the 21st of February, 1803.* – London, 1803.

²⁰ *Burrows S.* *Op. cit.* – P. 180; *Press, Politics and the Public Sphere in Europe and North America, 1760-1820* / ed. by Hannah Barker and Simon Burrows. – Cambridge Univ. Press, 2002. – P. 40.

- ²¹ *Maspero-Clerc H.* Op. cit. – P. 171.
- ²² В виньетках, украшающих первые страницы номеров «Амбигю», заметны отзвуки интереса к египетскому походу Бонапарта, неизменно проявлявшегося в предыдущем издании, причём особое внимание уделялось научной стороне экспедиции.
- ²³ *Hatin E.* Bibliographie historique et critique de la presse périodique française.... – P. 313-314; *Idem.* Histoire politique et littéraire de la presse en France : en 8 t. – Paris, 1861. – Т. 8. – P. 579-603.
- ²⁴ L’Ambigu, Variétés atroces et amusantes, journal dans le genre égyptien. – [1802]. – Vol. 1. – P. 2, 4 (№ 1).
- ²⁵ *Hatin E.* Histoire politique et littéraire de la presse en France : en 8 t. – Paris, 1861. – Т. 8. – P. 583.
- ²⁶ L’Ambigu, ou le nouveau don Quichotte de la Manche. – [1803]. – Vol. 3. – P. 102 (№ 23).
- ²⁷ L’Ambigu, ou les Mystères d’Isis. – [1804]. – Vol. 2. – P. 100 (№ 13).
- ²⁸ *Ibid.* – P. 89 (№ 13).
- ²⁹ Цит. по: *Maspero-Clerc H.* Op. cit. – P. 174-175.
- ³⁰ См. *Maspero-Clerc H.* Op. cit. – P. XIII.
- ³¹ *Burrows S.* Op. cit. – P. 211.
- ³² *Ibid.* – P. 212-213.
- ³³ L’Ambigu, ou les Mystères d’Isis. – Vol. 2. – P. 144 (№ 15), 168 (№ 16).
- ³⁴ *Собуль А.* Герой, легенда и история // Французский ежегодник, 1969. – М., 1971. – С. 239.
- ³⁵ В тексте оригинала здесь употреблено слово «либертен» (франц. «libertin»), как именовали сторонников свободной, гедонистической морали; может быть переведено и как «вольнодумец», «безбожник», и как «распутник».
- ³⁶ В 1807-1811 г. Пельтье вёл переговоры между Англией и Гаити, представляя интересы гаитянского генерала Анри Кристофа, президента Гаитянской республики с 1806 г. (в 1811 г. провозгласил себя королем Гаити под именем Анри I).
- ³⁷ Граф Жюльен Прево де Лимонад – министр иностранных дел Гаити в период правления короля Анри Кристофа, получивший, как и другие представители «новой» гаитянской знати, своё имя по названию плантации.
- ³⁸ *Chateaubriand Fr.-R. de.* Mémoires d’outre-tombe : en 5 t. – Bruxelles, 1849-1850. – Т. 2. – P. 79-80. Перевод цит. по: *Шатобриан Фр. Р. де.* Замогильные записки / пер. с фр.: О. Гринберг, В. Мильчиной. – М., 1995. – С. 141.

³⁹ Там же. – С. 148.

⁴⁰ *Hatin E.* Histoire politique et littéraire de la presse en France. – Т. 8. – P. 602.

⁴¹ См. подробнее: *Полевщикова Е. В.* Английская карикатура в Одесской библиотеке Воронцовых : к истории формирования и бытования коллекции // Воронцовы и русское дворянство : между Западом и Востоком : сб. науч. ст. и докл. – Симферополь, 2012. – С. 67-73.

⁴² Так, С. Р. Воронцов называет графа Прованского презираемым всеми «полным ничтожеством»: «он всего лишь заурядный остряк, трусливый, слабый, изнеженный, ведомый госпожой де Бальби, презренной интриганткой [...] и господином де Жокуром, бесталанным придворным интриганом ...» Не более привлекательным в оценке Семёна Романовича выглядит и граф д'Артуа, «лишенный талантов и душевных сил, ведомый всеми, кто его окружает и весьма слабохарактерный. Его дети ничего не обещают и плохо воспитаны. Ни один из этих принцев никогда не восстановит Францию». – Архив князя Воронцова : в 40 кн. – М., 1870-1895. – Кн. 9, ч. 2. – М., 1876. — С. 320, 310. См. также рассказ Семёна Романовича о выходках графа д'Артуа, изрядно подпортивших последнего и без того сомнительную репутацию (там же. – С. 331).

⁴³ Архив князя Воронцова. – 1881. – Кн. 22. – С. 513 ; 1876. – Кн. 9, ч. 2. – С. 320 ; 1876. – Кн. 8, ч. 1. – С. 526, 529, 524.

⁴⁴ Там же. – М., 1876. – Кн. 8, ч. 1. – С. 308.

⁴⁵ Там же. – С. 312, 317.

⁴⁶ Там же. – М., 1881.– Кн. 20. – С. 186.

⁴⁷ *Catalogue raisonné des Livres de la Bibliothèque de son Excellence Le Comte Woronzow avec une Table Alphabétique Londres 1824* // Алушкинский государственный дворцово-парковый музей-заповедник. КП 20245 КН 6461. Л. 16, 194, 199, 266.

⁴⁸ Архив князя Воронцова. – М., 1876. – Кн. 10. – С. 7.

⁴⁹ *Воронова Т. П.* Письма П. П. Дубровского к А. Г. Бобринскому и А. Р. Воронцову // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и в архивах отдела рукописей и редких книг : сб. науч. тр. – Л., 1983. – С. 125-126.

⁵⁰ *Catalogue de la Bibliothèque de S. E. Monsieur le Comte de Vorontsow. Volume 3* // Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. № 994.

⁵¹ 9 томов «Амбигю» за 1805-1806 гг. (т. 12 в двух экземплярах), а также один том за 1810 год.